

566074

Шамиро Агаев

— Первым вашим чеховским спектаклем был в начале 70-х «Вишневый сад». С тех пор вы с Чеховым неразлучны, и больше всего — с его последней пьесой, ставили ее трижды. Что это — случайность? Была здесь какая-то программа или сама судьба вас вела?

— Поначалу — случайность. Смотрел я в Таллинне спектакль Вольдемара Пансо «Милый лжец», с прекрасными актерами. А надо сказать, что чужой хороший спектакль на меня действует всегда благотворно. Видишь его и невольно начинаешь сочинять свой, и не обязательно по той же пьесе. Так я смотрел спектакль, который мне бесконечно нравился, и вдруг стал отмечать: вот Раневская, вот Гаев, а это — Фирс, Лапахин, Аня. В течение минуты возникло распределение ролей и, стало быть, замысел. Все было решено как бы само собой, и вскоре появился мой первый «Вишневый сад». А потом... Наверное, судьба.

Так случилось, что в каждом десятилетии я где-то ставил «Вишневый сад»: в 70-е годы по-эстонски в Таллинне; в 80-е — по-испански в Никарагуа; наконец, в 90-е — по-русски в Санкт-Петербурге, в Большом драматическом. И каждый раз после работы над этой (да и любой чеховской) пьесой — неодолимая тяга вернуться к ней снова.

— Вы не одиноки. Другие режиссеры тоже возвращаются к «Вишневому саду» дважды, трижды. Причины, наверное, у всех свои, но каковы — у вас? Хочется продлить очарование или заново что-то решить?

— Я думаю — из-за многозначности, многомерности смысла, который разом не исчерпать. Был у меня в детстве товарищ. Когда он приходил из кино, я спрашивал: о чем фильм? Он отвечал: про войну. Или: про любовь. Но если фильм был очень хороший, он задумывался, а потом выдыхал: про жизнь! То есть, это включало в себя все — и любовь, и войну, и еще что-то важное. Так вот, «Вишневый сад» — это пьеса про жизнь, про все. Про скоротечность времени, любовь, надежду, утраты. Как ни странно, и про войну, потому что здесь заложено предчувствие катастрофы, которые произойдут в XX веке. Чехов много угадал в будущем, хотя бы опасность подавления подлинных человеческих чувств в угоду той или другой горячечной идее.

Я ловлю себя на том, что говорю о какой-то части пьесы, а за пределами нашего разговора остается многое, не менее важное. Так и после каждой постановки «Вишневого сада» чувствую, будто поставил опять-таки часть пьесы, и хочется в следующем спектакле присоединить к ней другие. Поэтому нельзя поставить или посмотреть какой-то спектакль по «Вишневому саду» и сказать: все! Эта пьеса поставлена так, как должно, все выражено сполна. «Вишневый сад» задает вечные загадки театру, и потому он классичен. Загадки, на которые человек в разное время своей жизни может дать разные ответы.

И еще: тут все так сложно, все — на стыке: высокое и низкое, трогательное и смешное как бы переливаются друг в друга. «Вишневый сад» весь строится на этом, и хочется передать эти переливы, эту пограничность оттенков, состояний и чувств.

— Все как-то бездонно и бесконечно. И все же хочется нащупать главное, найти «зерно». Мне кажется, секрет здесь в названии, в том, что за ним стоит. Почему, на ваш взгляд, пьеса называется «Вишневый сад»?

— После третьей постановки у меня возникла гипотеза, и она, возможно, верна. Известно, что несравненный Бунин упрекал Чехова в том, что он не знает дворянских усадеб, для которых вишневые сады были не характерны.

— «...ему не следовало писать про дворян, про помещичьи усадьбы, — он их не знал. <...> Да и где это были помещичьи сады, сплошь состоявшие из вишен!»

— Как будто справедливо. Но не думаю, что наблюдательный Чехов сам этого не знал. Его интересовало другое — образный, метафорический смысл.

— Вишневое дерево некрасиво, даже уродливо: когда отцветет — низкое и корявое. Нет у него стройности тополя, пышной раскидистости яблони. Но во время цветения — что за красота! Пенит, буйствует этакое белое марево. А подует ветер, цвет опадет, и все ста-

Можно было бы сказать: 90 лет без Чехова — летом будет ровно столько после раннего его ухода. Но так сказать нельзя, как бы мы ни сетовали порой, что друг от друга устали, и надо бы отдохнуть классике. Видимо, мы неразлучны — по крайней мере в обозримых пределах нынешнего столетия. Мы припадаем к Чехову бесконечно, повторяя его пьесы как заклинание. То режиссер оторваться не может от «Вишневого сада», и ставит, ставит его даже в разных концах земли. То выступают почти разом, в одном городе, одном сезоне, шесть дядей Ваней, шесть братьев Войничких. То вдруг пройдут по России и по белу свету волны «Трех сестер» или «Чая».

При всем уважении к памятным датам (они — вехи, опора, шкала нашей памяти) для разговора о Чехове повода искать не надо. «ЭС» и не искала, когда в последние годы следила за тем, что происходит в театре Чехова вокруг нас

и за рубежом. А здесь, на территории Чехова, процесс особенно прихотлив. То вдруг взорвет театральную тишину чеховский как будто спектакль — смотри-те «Иванов и другие» в Московском театре. То объявят «Дни драматургии Чехова» в Эстонии. То наши театральные эмиссары в Париже, Вертинская и Калаягин, покажут композицию по третьим актам чеховских пьес — странная, счастливая идея.

Обо всем этом, о спектаклях и о процессах, знать и писать, стоить. Начать же можно с конкретного человека, режиссера, чей творческий и духовный опыт, попросту — чья судьба давно от Чехова неотрывна. Итак: Адольф Шапиро, читателям «ЭС» хорошо известный, тридцать лет отдавший Молодежному театру Латвии, ныне ставящий спектакли в Москве. В чеховском его списке — «Иванов» и «Леший», «Три сестры» и «Вишневый сад»; последний — неоднократно.

Татьяна ШАХ-АЗИЗОВА.

БЕСЕДЫ О «ВИШНЕВОМ САДЕ»

нет реалистичным, прозаичным и грубоватым. Чудится, называя свою пьесу «Вишневый сад», Чехов хотел напомнить о том, как прекрасна и как быстролетна жизнь. Удивительно у него сочетается в пьесе эпичность с острым чувством невозвратно уходящего времени.

— Я давно решила для себя, кто герой этой пьесы — по моему, сам Вишневый сад. А каков он, что он значит для театра — в этом его, театра, ответ времени, его исповедь, взгляд на мир. Ответы бывали разные. В первом вашем спектакле сад, мне казалось, какой-то мираж. Люди, в нем обитавшие, хранили верность чему-то нереальному, в воображении своем создали этот образ, и по их отношению к этой иллюзии предстало о них судить.

— Тогда я был молодым, здоровым, веселым, жестоким. Тот «Вишневый сад» — спектакль иного времени. Сегодня меньше хочется смеяться над чеховскими героями, над нелепостью, непоследовательностью их поведения. Помоему, нам-то уже неуместно потешаться над ними с позиции людей, знающих, как жить, что вырывать и что строить. Посмеялись, и будет.

— В последнем вашем, петербургском спектакле сад выглядел уже не миражем, а реальным прошлым, с которым приходилось прощаться. И самый акт прощания, драма прощания, видимо, стали содержанием спектакля. И не было чеховской усмешки.

— Я думаю, что сегодня герои этой

пьесы могут быть образцом спокойного, мужественного, философского отношения к потерям. Ведь потери — неотъемлемая часть жизни. Мы живем, теряя дни и минуты и что-то приобретаем взамен. И, может быть, приобретаем благодаря потерям. Кто не теряет, тот и не приобретает.

Раневской и Гаеву есть что терять — у них есть прошлое, и смешно ли, что они живут воспоминаниями, почти легендой? За ними стоит свой, особенный мир, и это придает им достоинство. И не вина их, а беда (их и наша), что жизнь так беспощадна в своей стремительности, в своем переименовании всего и вся. Она движется по какому-то, одной ей ведомым законам, и не поймешь — бадья ли упала в шахту или что-то иное случилось, филин кричит или цапля.

— «...жизнь... не меняется, остается постоянно, следуя своим собственным законам, до которых вам нет дела или, по крайней мере, которых вы никогда не узнаете». Из Тузенбаха...

— Ваш новый, исполненный терпимости, взгляд на пьесу подсказан, конечно, временем, опытом, возрастом, но не только. Коснусь момента трудного, личного: вы утратили собственный Вишневый сад.

— Вы имеете в виду потерю театра? Не хотелось бы об этом так, походя. И потом, рано или поздно все мы теряем в жизни свой Вишневый сад.

— Вот! Современный, всем близкий

смысл этой пьесы. Не вообще о мироздании, а обо мне и о вас. Впервые на моей памяти так поставила «Вишневый сад» Мария Осиповна Кнебель. Взяла и отбросила всю эту социологию: смена формаций, дворяне, купцы, разночинцы. Она ставила спектакль о простом и вечном, что с каждым и везде бывает. О том, что все мы имеем нечто заветное, свой Вишневый сад, и приходит пора, когда нужно проститься с ним. В этот момент кажется, что все кончено — «но впереди жизнь, которая в тысячу раз богаче всяких потерь» (из Кнебель). Ее спектакль был о неизбежности прощания, о грусти, о мужестве, которое следует обрести. Вероятно, она думала при этом о своем Вишневом саде — Московском Художественном театре, о вынужденной разлуке с ним.

Потом эту традицию, человеческую и мудрую, унаследовали режиссеры, которые были близки Кнебель, — Леонид Хейфец, вы. И она сказывалась, оживала, начинала работать на основе уже личного опыта.

— Что ж, потери неминуемы, и предотвратить их нельзя. Можно пыжиться, суетиться, пытаться их избежать — тщетно. Если это — часть жизни, то так и произойдет. Потери естественны, как смена времен года. Важно, как их встречать, как принять, не растеряв себя. Как продолжать — вопреки всему — то, что и продолжать, казалось бы, бессмысленно. Впрочем, я уже как будто готовлюсь к новой постановке.

— Наверное, иной, чем предыдущие! А если сравнить их между собой?

— Я отдал бы предпочтение первой. Тот спектакль готовился легко, весело, азартно. Собралась хорошая компания. Время было тяжелое, безнадежное, а в нас бурлила жизнь. Сейчас вроде бы просвет, но люди безрадостны, хмуры, и каждый сам по себе.

Что до петербургского спектакля, то по нему можно понять, в каком состоянии оцепенения и холодного отчаяния находился я сам (это — первый мой спектакль после закрытия рижского театра) и как непросто творит БДТ, уже не настроенный по камертону своего Мастера.

— У меня было ощущение какой-то кардиограммы — театра и режиссера. Чего-то настолько скрытого, драматичного, сокровенного, что об этом неловко и говорить, и писать.

— Но у меня не получилось того, что я хотел — вот этого холодного отчаяния, к примеру Чехов, по моему, требует известной отрешенности. Не отсутствия эмоциональности, а взгляда на себя со стороны — и на себя, и на героев. Когда ты слишком близко к героям, ты как будто теряешь точку съемки и начинаешь волноваться по мелочам, а это не нужно. Я глубоко убежден: Чехов во время работы над этой пьесой понимал, что она — последняя, что это — его прощание с людьми. И он им многое прощал, смотрел на них, как бы удаляясь, и не злился по мелочам.

— «Пьеса прощания, пьеса прощания...». Из Хейфеца, недавно. Но как среди этих «Вишневых садов» выглядит второй, зарубежный? Не выпадает ли из ряда? Вообще, что им, в Никарагуа, — Чехов!

— Представьте, что в разных латиноамериканских странах я видел за кулисами театров портреты Чехова и томики его сочинений. Его любят, ценят, более того — почитают. Хотя в Никарагуа не растет вишня, здесь ее и не видели. Поскольку я ставил, когда у нас была зима, то смог привезти туда только банку с вишневым компотом. Что это была за сцена! С какой нежностью и любовью актерами рассматривали и пробовали на вкус каждую вишенку! Но дело не в этом. Дело в том, что и там, в раскаленной дальней стране, люди теряют свои Вишневые сады — как и все, живущие на земле. Все было понятно.

А после премьеры появилась рецензия в «Нью-Йорк таймс», где было написано: если в Никарагуа ставят «Вишневый сад», скоро, наверное, там будет конец войне.

— Так и было!

— Да.

— Удивительно.

Экран и сцена